

К.

Націоналізмъ и релігія

Достоевскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „Государственна Печатнаго Станка“. Улица Глинки, л. 6.

1906.

Націоналізмъ и релігія Достоевскаго.

*(Докладъ, прочитанный въ засѣданіи „Сюза
Возрожденія Россіи“).*

1.

Въ наши трудные дни, когда въ сердце невольно закрадывается страхъ за будущее нашей родины, на которую ополчились, какъ кажется, всѣ злыя силы, мысль съ облегченіемъ обращается къ тому, кто какъ и мы вѣрилъ въ русскую народность и ея идеалы. Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Федоръ Михайловичъ Достоевскій, но русская интеллигенція съ необычайной холодностью встрѣтила годовщину смерти величайшаго русскаго писателя, а между тѣмъ это былъ почти пророкъ по глубинѣ и силѣ проникновенія. Онъ въ человѣческой душѣ и особенно въ русской душѣ читалъ, какъ въ открытой книгѣ и онъ вѣровалъ, что русскій народъ всякую бѣду стерпитъ, всякую тягость вынесетъ и сохранитъ свою душу нетронутой. Федоръ Михайловичъ былъ хорошо знакомъ съ русскимъ народомъ. Онъ жилъ съ нимъ не какъ баринъ, а какъ ссыльно-каторжный, какъ равный его самымъ преступнымъ представителямъ; онъ на себѣ перенесъ всю тягость Николаевскаго режима, онъ пережилъ всю умственную смуту 60-хъ годовъ и онъ не усомнился.

Храня въ душѣ дорогую память нашего великаго писателя-страдальца, будемъ вѣровать вмѣстѣ съ нимъ въ силу духа русскаго народа. Да ужъ если наша земля могла родить и вскормить такого почти чудеснаго проникновеннаго генія, то однимъ этимъ она ужъ показала, что въ ней таятся могучія силы. И мы имѣемъ счастье знать, что этотъ величайшій русскій геній исповѣдовалъ тѣ же принципы Православія, Самодержавія и Народности, которые стоятъ и на нашемъ знамени. Но исповѣдовать одни и тѣ же принципы еще не значитъ быть единомышленниками. Въ минуту борьбы этого, можетъ быть, и достаточно для объединенія въ цѣляхъ тактическихъ, но, если насъ интересуетъ характеръ убѣжденій человѣка, то намъ важно знать тотъ путь, который привелъ его къ его принципамъ. Политическія убѣжденія, если только они глубоки и серьезны, непременно опираются на общефилософское или, еще глубже — религіозное міровоззрѣніе, и вотъ почему, задаваясь цѣлью познакомиться съ міровоззрѣніемъ Ѡ. М. Достоевскаго, приходится особенно внимательно остановиться на его религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ.

Гдѣ и какъ ученый и художникъ ищутъ истину.

Когда мы говоримъ „міровоззрѣніе“ религіозное, философское, политическое и всякое другое то, обыкновенно, мы подразумѣваемъ подъ этимъ —рядъ мнѣній по различнымъ вопросамъ, связанныхъ между собой логической связью и вытекающихъ одно изъ другого, составляя такимъ образомъ одно цѣлое. Но мнѣ хотѣлось бы доказать, что такое пониманіе міровоззрѣнія

примѣнимо къ философу, но никакъ не примѣнимо къ художнику.

Философъ, принимаясь за разрѣшеніе міровой задачи, прежде всего долженъ отвѣтить на вопросъ: какіе факты и явленія въ мірѣ онъ признаетъ за достовѣрно извѣстные и что должно быть оставлено въ области вѣры. Но замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ въ философіи была установлена неоспоримая истина: „я сознаю, слѣдовательно—существую“, она осталась и до сихъ поръ единственной неоспоримой. Достовѣрно, что я существую; достовѣрно, что я мыслю, чувствую, сознаю; достовѣрно, что существуютъ всѣ тѣ идеи, которыя я нахожу въ моемъ сознаніи—и больше нѣтъ на свѣтѣ ничего достовѣрнаго. Такимъ образомъ всѣмъ философамъ для составленія своего міровоззрѣнія приходилось прибѣгать къ слѣдующему методу: 1) тщательно анализировать посредствомъ самонаблюденія и наблюденія надъ другими людьми содержаніе человѣческаго сознанія, или, говоря проще—человѣческаго духа и 2) приведя въ систему это содержаніе, сдѣлать изъ него всѣ возможные логическіе выводы. Тѣ философы, которые не считали возможнымъ дѣлать логическіе выводы изъ приобретенныхъ посредствомъ наблюденія надъ человѣческимъ духомъ фактовъ, никогда не создавали философскаго міровоззрѣнія въ видѣ системы, а ихъ философія заключалась въ доказательствѣ невозможности систематическаго знанія. Составляетъ ли такое философское міровоззрѣніе знаніе, или только вѣру? Если философскія системы только и дѣлали до сихъ поръ, что опровергали одна другую, то отсюда слѣдуетъ, что ни одна изъ нихъ не достовѣрна окончательно.

Вся разница между философскимъ міровоззрѣніемъ и обычнымъ житейскимъ заключается въ томъ,

что философское міровоззрѣніе не допускаетъ противорѣчій и разбить какую нибудь философскую систему это значить доказать, что основныя ея положенія противорѣчатъ одно другому. Но почему философы такъ довѣряютъ предвзятому мнѣнію, что противорѣчія, иногда заключенныя въ самой природѣ человѣческаго духа, могутъ быть непремѣнно примирены, и изъ нихъ можно создать логическую систему?

Такого предвзятаго мнѣнія не имѣетъ художникъ. Я не думаю, чтобы предпринимая изслѣдованіе „человѣка“, художникъ всегда непремѣнно имѣлъ передъ собою цѣль—отвѣтить себѣ на вопросъ о смыслѣ жизни. Просто человѣческій духъ, въ которомъ „тайна земная соприкасается со звѣздною“—влечетъ художника инстинктивно; я только хочу сказать, что если у художника составляется міровоззрѣніе, то источникъ его слѣдуетъ искать тоже въ знаніи художникомъ человѣческаго духа. Только знаніе это иное, чѣмъ у философа.

Не задаваясь цѣлью примирять противорѣчія, художникъ полнѣе охватываетъ человѣческую душу. То знаніе о человѣкѣ, которое мы получаемъ при чтеніи крупнаго художника, всегда полнѣе и глубже чѣмъ то, которое даетъ намъ философъ. Но если мы пожелаемъ сдѣлать логическіе выводы изъ фактовъ, открытыхъ художникомъ, то намъ придется создать не одну систему, а нѣсколько; и если эти системы будутъ противорѣчить одна другой, то не нужно забывать, что противорѣчіе заключено въ самой природѣ человѣческаго духа, и нашъ умъ, отказываясь его принять, доказываетъ этимъ быть можетъ только свое собственное безсиліе.

„Золотой вѣкъ въ карманѣ“.

Достоевскій — не философъ. Самой безплодной задачей было бы ловить Достоевскаго на противорѣчяхъ потому, что противорѣчій у него такъ же много, какъ ихъ много въ человѣческой душѣ или жизни; и это не несмотря на то, что Достоевскій глубокий художникъ, а именно благодаря тому. Если мы станемъ разсматривать Достоевскаго не какъ художника, а какъ публициста, т. е. если мы отъ его романовъ перейдемъ къ „Дневнику писателя“, то рядомъ съ глубокими мыслями и очаровательными по художественной тонкости страницами, мы натолкнемся на бездну противорѣчій. Вотъ почему „Дневникъ писателя“ и его идеи остаются совершенно непонятными безъ знакомства съ романами Достоевскаго, гдѣ изслѣдуется тайная глубина человѣческой души и изъ нея встаютъ передъ нами всѣ тѣ вопросы, которые природа и исторія ставили и ставятъ русскому человѣку.

Есть художники, работающіе надъ человѣческой душой съ микроскопомъ. Всякое чувство, анализируемое ими, является передъ нами, какъ невыносимая мелочь и пошлость. Нося, можетъ быть, въ своей душѣ великій положительный идеаль и тоскуя по немъ всю свою жизнь (Гоголь, напримѣръ, даже умеръ отъ этой тоски), такой художникъ отличается невольнымъ недоверіемъ ко всему, чего онъ не разложилъ на составныя части, а такъ какъ части обыкновенно бываютъ уродливы и мелки, то художникъ не можетъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія и тогда, когда изъ мелочей складывается цѣлая человѣческая душа. Отъ такого художника, какъ бы онъ ни былъ реаленъ и художественно тонокъ—нечего ждать міровоззрѣнія. Глубокая тоска и отвращеніе къ себѣ и къ

окружающимъ людямъ доведутъ его до чахотки и до могилы. Невольно вспоминается при этомъ образъ Чехова.

Не такъ подходитъ къ своимъ героямъ Достоевскій. Въ статейкѣ, которая называется „Золотой вѣкъ въ карманѣ“, Достоевскій рассказываетъ, какъ онъ однажды попалъ на балъ. Досада взяла его при взглядѣ на танцующую публику: „всѣ въ новыхъ костюмахъ и никто не умѣетъ носить костюмъ; всѣ веселятся и никто не весель; всѣ самолюбивы и никто не умѣетъ себя показать; всѣ завистливы и всѣ молчать и сторонятся“. „И пришла мнѣ въ голову, — рассказываетъ дальше Достоевскій, — одна фантастическая и до нельзя дикая мысль: ну что, подумалъ я, если-бъ всѣ эти милые и почтенные гости захотѣли, хоть на мигъ одинъ стать искренними и простодушными—во что бы обратилась тогда вдругъ эта душная зала? Что, если бы каждый изъ нихъ вдругъ узналъ, сколько заключено въ немъ прямотушія, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушныхъ чувствъ, добрыхъ желаній, ума! Да, господа, въ каждомъ изъ васъ все это есть и заключено и никто-то, никто-то изъ васъ про это ничего не знаетъ!“ Такъ говоритъ Достоевскій и говоритъ совершенно серьезно, съ полнымъ убѣжденіемъ, что стоитъ только не обратить вниманія на внѣшность и открыть въ человѣкѣ самую его суть, чтобы увидѣть настоящее сокровище. Да и какъ можетъ быть иначе, когда имѣешь дѣло съ человѣческой душой, т. е. съ великой Божественной тайной?

Но въ качествѣ своихъ главныхъ героевъ Достоевскій любитъ выводить передъ нами не тѣхъ ежедневныхъ людей, въ которыхъ пришлось бы долго копать, чтобы отыскать ихъ сокровища, а типы положительной кра-

соты, лучшихъ воиновъ Божьей рати, а потому они являются передъ нами, какъ яркіе выразители русскихъ мучительныхъ вопросовъ и русскаго способа ихъ разрѣшенія.

Рыцарь бѣдный.

Главные герои Достоевскаго очень различны по общественному положенію, состоянію, возрасту, характеру и склонностямъ; но всѣ они имѣютъ между собою нѣчто общее. Я попробую характеризовать эту черту, общую всѣмъ главнымъ героямъ Достоевскаго, словами Аглаи Епанчиной, которыми она опредѣляетъ особенность князя Мышкина. По ея словамъ это человекъ „способный имѣть идеаль, во-вторыхъ, разъ поставивъ себѣ идеаль, повѣрить ему, а повѣривъ, слѣпо отдать ему всю свою жизнь... Это тотъ же Донъ-Кихоть, но только серьезный, а не комическій“. Баллада Пушкина „Рыцарь бѣдный“ ярко характеризуетъ такого подвижника идеи и Аглая приводитъ ее, примѣняя къ князю Мышкину. Вотъ эта баллада.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму —
И глубоко впечатлѣнье
Бъ сердце врѣзалось ему.
Путешествуя въ Женеву,
Онъ увидѣлъ у креста,
На пути, Марію Дѣву,
Матерь Господа Христа.

Съ той поры, сгорѣвъ душою.
 Онъ на женщинъ не смотрѣлъ:
 Онъ до гроба ни съ одною
 Молвить слова не хотѣлъ.
 Онъ себѣ на шею четки
 Вмѣсто шарфа навязалъ.
 И съ лица стальной рѣшетки
 Ни предъ кѣмъ не подымалъ
 Полонъ чистою любовью,
 Вѣренъ сладостной мечтѣ.
 А. М. Д. своею кровью
 Начерталъ онъ на щитѣ.
 И въ пустыняхъ Палестины,
 Между тѣмъ, какъ по скаламъ
 Мчались въ битву палладины.
 Именуя громко дамъ,
 „Lumen coeli, sancta Rosa“!
 Восклицалъ онъ дикъ и рьянъ.
 И какъ громъ его угроза
 Поражала мусульманъ.
 Возвратясь въ свой замокъ дальній,
 Жилъ онъ строго заключенъ,
 Все безмолвный, все печальный.
 Какъ безумецъ умеръ онъ.

Такъ и каждый изъ этихъ героев Достоевскаго. Въ видѣ ли неизгладимаго впечатлѣнія ранняго дѣтства, въ видѣ ли мысли, которая захватила отрока при первомъ пробужденіи его сознанія, въ видѣ ли человѣческаго образа, поразившаго его, или просто въ видѣ преобладающаго въ его душѣ настроенія, или влеченія, но каждый изъ нихъ разъ въ жизни „имѣлъ одно видѣнье, непостижное уму, и глубоко впечатлѣнье въ сердце врѣзалось ему“. И „съ той поры, сгорѣвъ душою“, онъ уже проходилъ мимо обыденныхъ

впечатлѣній жизни, не заражаясь ими. Онъ стыдливо и свято берегъ свое „видѣнье“ и „съ лица стальной рѣшетки ни предъ кѣмъ не подымалъ“. „Полонъ чистою любовью, вѣренъ избранной мечтѣ“, онъ всю жизнь сражался за свое „видѣнье“ и умиралъ какъ безумецъ, „все безмолвный, все печальный“, весь цѣликомъ охваченный однимъ впечатлѣніемъ, для другихъ непонятнымъ и страннымъ.

Примѣромъ такого рыцаря у Достоевскаго можетъ служить Крафтъ изъ „Подростка“. Аркадій Долгорукій—герой „Подростка“ попадаетъ въ компанію типической либеральной молодежи, въ средѣ которой находится въ данный моментъ и Крафтъ. Одинъ изъ присутствующихъ объясняетъ Аркадію, что до его прихода разговоръ шель объ одной идеѣ Крафта, которую тутъ же и излагаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Онъ вывелъ, что русскій народъ есть народъ второстепенный, которому предназначено послужить матерьяломъ для болѣе благороднаго племени, а не имѣть своей самостоятельной роли въ судьбахъ человѣчества. Въ виду этого, можетъ быть, и справедливаго своего вывода, г-нъ Крафтъ пришелъ къ заключенію, что всякая дальнѣшая дѣятельность всякаго русскаго человѣка должна быть этой идеей парализована; такъ сказать у всѣхъ должны опуститься руки“. Крафту доказываютъ, что если даже его выводъ о второстепенности Россіи правиленъ, то можно служить человѣчеству и все же не опускать рукъ, но Крафтъ возражаетъ на это: „я не понимаю какъ можно, будучи подъ вліяніемъ какой нибудь господствующей мысли, которой подчиняются и умъ, и сердце, жить еще чѣмъ нибудь, что внѣ этой мысли“? А Васинъ, гоже одинъ изъ присутствующихъ, поясняетъ это слѣдующимъ образомъ:

„У Крафта не одинъ логическій выводъ, а, такъ ска-

затъ, выводъ, обратившійся въ чувство. Не всѣ природы одинаковы; у многихъ логическій выводъ обращается иногда въ сильнѣйшее чувство, которое захватываетъ все существо, и которое очень трудно изгнать или передѣлать. Что-бъ выяснитъ такого человѣка, надо въ такомъ случаѣ измѣнить самое это чувство, это возможно не иначе, какъ замѣнивъ его другимъ, равносильнымъ. Это всегда трудно, а во многихъ случаяхъ невозможно“. И дѣйствительно, то, что остается для другихъ простымъ логическимъ выводомъ, заставляетъ Крафта лишиться себя жизни.

Вотъ эти то идеи, которыя, по выраженію Кирилова, „сѣзли“ главныхъ героевъ Достоевскаго, и важны для насъ; важны съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, вникнувъ въ идеи, которыя нераздѣльно владѣютъ лучшими людьми нашей земли, мы можемъ понять, какими идеями наша земля руководится и движется, по мнѣнію Достоевскаго, и во-вторыхъ, благодаря имъ мы можемъ понять, какъ среди безпросвѣтнаго будня русской жизни, сохраняются души, живущія своею, совершенно необыденной, почти фантастической жизнью, что и позволяетъ намъ наперекоръ логикѣ, наперекоръ фактамъ, ждать чудеснаго спасенія нашей земли.

Для этихъ людей не существуетъ обыденности и будня. Каждый изъ нихъ можетъ страдать глубоко, можетъ даже погибнуть отъ своей идеи, но, пока онъ живетъ внутренній горящій въ немъ огонь дѣлаетъ для него какъ-то особенно интересными всѣ явленія жизни и наполняетъ ихъ особеннымъ смысломъ. Съ замираніемъ представляетъ себѣ тотъ же Аркадій Долгорукій, что „когда онъ выскажетъ кому нибудь свою идею, то тогда у него вдругъ ничего не останется, такъ что онъ станетъ похожъ на всѣхъ“. Но пока онъ не похожъ на всѣхъ. Ни одно общество не можетъ пока-

заться ему скучнымъ; онъ боится итти къ знакомымъ; боится, чтобы въ ихъ обществѣ не разбили какъ нибудь его идею, и съ точки зрѣнія этой „идеи“ невыразимо интересны для него эти люди и ихъ разговоры. Въ другомъ мѣстѣ онъ же описываетъ свое путешествіе на аукціонъ. Обстановка какъ нельзя болѣе будничная и пошлая, но каждая мелочь имѣетъ глубокое значеніе для Аркадія, полного своей идеей и онъ восклицаетъ въ концѣ своего описанія: „я не про аукціонъ пишу, я только про себя пишу: у кого же другого можетъ биться сердце на аукціонѣ“?

Если правдива эта черта русскихъ идеалистовъ,—а она правдива безспорно,—то какихъ чудесъ мы не можемъ ждать отъ нашей родины, какъ бы ни были неприглядны и мучительно нелѣпы внѣшнія формы ея дѣйствительности?....

Бѣсы.

А Достоевскій рисуетъ русскую дѣйствительность въ очень неприглядномъ видѣ. По великому слову Царя-Освободителя только что пало крѣпостное право, а вмѣстѣ съ нимъ рухнула и единственная внутренняя стѣна, создававшая въ нашемъ государствѣ хоть что нибудь похожее на традиціонные устои, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ построены государства Запада. Тамъ—весь государственный строй покоится на традиціяхъ; тамъ каждое сословіе имѣетъ свои священныя воспоминанія; тамъ даже самая католическая церковь, какъ сила государственная—регулируетъ внутреннюю жизнь народовъ, а ихъ конституціи, дѣлающія весь народъ участникомъ политической жизни, ясно и точно опре-

дѣляютъ ихъ права и обязанности. Тамъ традиціонныя формы, создававшіяся вѣками, не могутъ быть разрушены безнаказанно, а вмѣстѣ съ ними должны прекратить свое существованіе и самыя государства. Какъ на примѣръ начала конца Достоевскій указываетъ на Францію, гдѣ традиціонный католицизмъ, проникавшій всю жизнь народа, смѣняется социализмомъ, ученіемъ атеистическимъ, желающимъ основаться на началахъ науки и разума, а потому носящимъ въ себѣ самомъ разлагающія начала смерти.

Совершенно иное у насъ. Кромѣ нѣкоторыхъ зачатковъ традицій дворянскихъ, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, у насъ не было рѣшительно никакихъ внѣшнихъ рамокъ, которыми бы твердо регулировалась народная жизнь; и когда рухнуло крѣпостное право, нашъ народъ остался лицомъ къ лицу съ единственной силой, на которую онъ можетъ опереться, которая сбережетъ его отъ распаденія — съ силой чисто нравственной, — со своей вѣрой. Если нашъ народъ когда нибудь перестанетъ желать жить по правдѣ, то ему окончательно не на что будетъ опереться и онъ перестанетъ жить какъ народъ. И вотъ почему въ нашемъ народѣ съ верху до низу, отъ интеллигенціи до темной массы прежде всякихъ вопросовъ государственныхъ и социальныхъ, такую силу, такое значеніе имѣютъ нравственные вопросы: „въ чемъ правда? Откуда она? Если отъ Бога, то есть ли Богъ?“ И разница въ этомъ отношеніи между народной массой и лучшими, самыми даровитыми и самыми вдумчивыми изъ интеллигенціи только въ томъ, что въ народѣ эти вопросы какъ будто-бы рѣшены уже разъ навсегда, по крайней мѣрѣ въ идеалѣ, а у лучшихъ представителей интеллигенціи идетъ мучительное и упорное исканіе.

Слава Богу, идеалы у насъ хороши, но дѣйствительность... Какъ не похожа она на идеалы. Народъ погибаетъ въ невѣжествѣ, его пастыри частью по нуждѣ въ которой они живутъ, частью по нерадивости — далеко не всегда удовлетворяютъ его духовнымъ запросамъ. Народныя святыни чужды верхнему слою народа — интеллигенціи; обезличенная, вѣчно боящаяся уронить себя въ глазахъ Запада, эта интеллигенція и народъ чужды и непонятны другъ другу. То, что на Западѣ является въ видѣ гипотезы, нашей интеллигенціей немедленно принимается какъ аксіома и проводится ею въ русскую жизнь въ нелѣпомъ видѣ уродливаго подражанія, совершенно непонятнаго народу. Самолюбіе ни на чемъ не основанное, но доведенное до болѣзни, и маленькое жалкое честолюбіе — часто являются единственными двигателями въ служеніи этимъ нелѣпымъ идеямъ, а власти не только безсильны подавить непонятную смуту, но еще и заигрываютъ съ нею, боясь показаться отсталыми. Однимъ словомъ:

Хоть убей — слѣда не видно!
Сбились мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить видно
И кружить по сторонамъ.

А все, что есть еще дѣйствительно молодого, не зараженнаго умственнымъ лакействомъ и рутиной, мучительно ищетъ выхода изъ этого хаоса, но ищетъ его выше и глубже, чѣмъ идутъ соціальныя идеи земаго благополучія, а потому даже не противопоставляетъ активной силы въ борьбѣ со смутой. поднятой этими идеями. Имъ некогда; они должны сперва рѣшить нѣчто болѣе важное.

Изъ разговоровъ русскихъ мальчиновъ.

Стоить только двумъ русскимъ мальчикамъ сойтись гдѣ нибудь въ углу въ трактирѣ, чтобы они немедленно занялись разрѣшеніемъ вѣковѣчныхъ вопросовъ. Видно нѣтъ у нихъ ничего болѣе важнаго, болѣе глубоко ихъ интересующаго. „Да такъ и надо“—говорить Алеша Карамазовъ. Изъ этихъ разговоровъ и неожиданныхъ откровеній мы можемъ познакомиться съ типами русскихъ идеалистовъ. Между ними есть одинъ, кончающій всегда трагически: это тотъ, который ярко ставитъ въ своей душѣ вопросъ, мучится имъ всю свою жизнь и —оставляетъ его безъ разрѣшенія. Обыкновенно это бываетъ сильная и даровитая натура, съ замѣчательно развитой способностью логическаго мышленія и съ безстрашной, неостанавливающейся ни передъ какими выводами жаждой истины. Два вопроса, которые они ярко ставятъ передъ нами: 1) „есть ли Богъ?“ и 2) „въ чемъ Божья правда?“. Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ въ этомъ отношеніи героевъ Достоевскаго такъ и погибаетъ не пойдя дальше перваго вопроса; другой, принявъ Бога, не можетъ отыскать Его правды. Первый, это Ставрогинъ въ „Бѣсахъ“, второй—Иванъ Карамазовъ.

Ставрогинъ—человѣкъ съ почти гениальною силой мысли, съ безстрашнымъ сердцемъ и могучею волей. Съ кѣмъ только ни сталкивался онъ въ своей жизни, кого только хоть разъ, хоть случайно онъ удостоилъ разговора и общенія, онъ всегда оставлялъ слѣдъ на всю жизнь. Кириловъ, великодушный безумецъ котораго всю жизнь „мучилъ Богъ“, славянофилъ Шатовъ, революционеръ и въ то же время ничтожный честолюбецъ Петръ Верховенскій —твердятъ ему каждый съ мукой и надеждой: „вспомните, что вы значили въ моей жизни!“ „для

чего я осужденъ въ васъ вѣрить во вѣки вѣковъ"?... „вы предводитель, вы солнце"! И каждый изъ нихъ предлагаетъ Ставрогину „поднять его знамя" и каждый изъ нихъ увѣренъ, что ужъ если Ставрогинъ подниметъ знамя, то онъ какъ „Иванъ-Царевичъ" сдѣлаетъ дѣйствительность сказкой и будетъ тѣмъ вождемъ, въ которомъ нуждается всякая идея. Ставрогинъ можетъ все. Онъ не боится ни пули, ни общественнаго мнѣнія, онъ можетъ для своей прихоти нарушить всякую традицію семейную и общественную, онъ можетъ перенести всякій позоръ и всякое оскорбленіе и онъ любитъ пробовать свою силу. Но у него нѣтъ точки опоры, къ которой можно было бы приложить эту силу.

Оказывается, что это онъ убѣдилъ Кирилова, что Бога нѣтъ и сдѣлалъ изъ этого положенія всѣ самые крайніе логическіе выводы: т. е. Бога нѣтъ, слѣдовательно—нѣтъ Его правды; слѣдовательно—вмѣсто Его правды моя воля; слѣдовательно я вмѣсто Бога.—Въ то же время Ставрогинъ проповѣдовалъ Шатову, что „цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственное лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго и вѣра въ него, какъ въ единаго истиннаго"; т. е. тутъ онъ взялъ противоположное положеніе: „Богъ есть" и развилъ его слѣдующимъ образомъ: Богъ есть, слѣдовательно—есть и Его законъ, т. е. можно вѣровать въ Его правду; слѣдовательно есть смыслъ жизни русскаго народа, который ищетъ эту правду; слѣдовательно русскій народъ—Богоносецъ.

Замѣчательно, что Ставрогинъ не лгалъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Онъ просто взялъ двѣ гипотезы: „Богъ есть" и „Бога нѣтъ" и вывелъ изъ нихъ всѣ послѣдствія. При этомъ сила его убѣдительности была такъ велика, что оба ученика остались вѣрными

каждому изъ этихъ ученій на всю жизнь. Самъ же Ставрогинъ такъ и не смогъ окончательно повѣрить ни въ одно и до конца, „когда вѣровалъ, то не вѣровалъ, что онъ вѣровалъ, а когда не вѣровалъ, то не вѣровалъ, что онъ не вѣровалъ.“ Съ его великой нравственной силой онъ могъ бы стать величайшимъ подвижникомъ, но онъ не смогъ повѣрить, что это нужно, и его жизнь полна преступленій, а между тѣмъ для него идея Бога не шутка. Не имѣя силы ни къ чему прилѣпиться душою, онъ умираетъ потому что нѣтъ въ его душѣ возможности жить безъ цѣли, безъ вѣры.

Для Достоевскаго такъ же, какъ для Ставрогина вѣра въ Россію тѣсно связана съ вѣрою въ Бога и это понятно изъ предъидущаго: если Россія живетъ нравственной идеей и въ своемъ существованіи опирается только на нее, то вѣдь нравственная идея можетъ существовать только, если есть Богъ, а если нѣтъ Бога, то Россіи нечѣмъ существовать и не на что опереться. „Атеистъ не можетъ быть русскимъ“—повторяетъ Шатовъ слова Ставрогина и такъ думаетъ и самъ Достоевскій. Эта мысль настолько проникаетъ всѣ его сочиненія, включая и „Дневникъ писателя“, что на ней, я думаю, нечего долго останавливаться.

Достоевскій для себя разрѣшаетъ вопросъ тѣмъ, что просто всей душой, всею непосредственной вѣрой отвергаетъ первую гипотезу: „Бога нѣтъ“ и принимаетъ вторую „Богъ есть“.

Иванъ Федоровичъ Карамазовъ, такъ же, какъ Достоевскій принимаетъ вторую гипотезу „Богъ есть“. Это не значить, чтобы въ тайникахъ его души не продолжала жить въ то же время и первая, но онъ знаетъ, что если Бога нѣтъ, то „все позволено“ и человѣку пред-

ставляется устроиться на землѣ, руководствуясь единственно только своимъ „эвклидовскимъ“, конечнымъ умомъ; а душа у Ивана Федоровича чуткая, отзывчивая жадная и глядящая въ безконечность и гипотеза „нѣтъ Бога“ прорывается у него лишь въ минуты отчаянія или тогда, когда раздраженные нервы побуждаютъ его самого себя мучить. Иванъ Федоровичъ натура болѣе тонкая, чѣмъ Ставрогинъ, но за то и менѣе рѣшительная. Онъ не бросится, какъ Ставрогинъ въ добро, или зло, чтобы одурманить себя и испытать красоту того и другого, но онъ станетъ передъ ними, грустно размышляя и не отдавая ничему предпочтенія. Для него идея Бога „до того свята, до того трогательна, до того премудра и до того дѣлаетъ честь человѣку“, что уже по одному этому Иванъ Федоровичъ, который такъ любитъ „клейкіе весенніе листочки и голубое небо“ — тянется къ ней невольно, какъ къ солнцу. Въ чемъ же правда у Бога? — спрашиваетъ себя дальше Иванъ Федоровичъ — и въ исканіи этой правды онъ, конечно, прежде всего обращается ко Христу. И, какъ глубоко, какъ проникновенно этотъ недавній атеистъ постигаетъ всю красоту Божественнаго образа Христова.

Сущность ученія Христа по мнѣнію Ивана Федоровича (а вмѣстѣ съ нимъ и самого Достоевскаго) это — свободная любовь. Т. е. образъ кротости и любви долженъ привлечь человѣка свободно. Ни хлѣбомъ земнымъ, ни властью чуда и тайны не захотѣлъ Христосъ поработить живой духъ человѣка. Свободнымъ сердцемъ долженъ онъ полюбить живой образъ Христа и даже ради Своей великой истины Христосъ не допустилъ насилія надъ человѣкомъ. Пусть спасутся немногіе, но пусть спасутся свободно, и тотъ, кто хочетъ итти за Христомъ, не долженъ даже ради истины допускать насилія. Пусть онъ несетъ людямъ

свою живую любовь безъ всякой тайны и уединенія и когда нибудь всѣ народы сольются въ общей любви и поклоненіи Христу. Цѣль дальнѣйшаго развитія христіанскаго общества въ томъ, чтобы Церковь заключила въ себѣ государство и, когда все будетъ церковью, то не будетъ конечно ни войнъ, ни насилій; преступнаго и непослушнаго Церковь будетъ отвергать отъ себя и, конечно, не будетъ рубить головъ, какъ дѣлаетъ современное государство. Иванъ Федоровичъ не дѣлаетъ дальнѣйшихъ выводовъ, но ясно, что въ служеніи этой Христовой истинѣ личность должна довѣрчиво предаться Христу, оставивъ всякій „ бунтъ“ передъ тайной, не довѣрять своимъ силамъ и не пытаться открыть эту тайну, а слиться съ другими въ обоженіи лика Христа. И когда личность разтворится такимъ образомъ въ общей любви и когда не будетъ государства, а будетъ Церковь, то будетъ Царствіе Божіе и дальше некуда двигаться жизни. Вотъ одна правда, которая была бы полной, если бы человѣкъ не былъ созданъ бунтовщикомъ.

А есть еще у Ивана Федоровича другая правда, противоположная первой. Она характеризуется словами старца Зосимы: „всякій-то теперь стремится отдѣлать свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самую полноту жизни“. Иванъ Федоровичъ не можетъ понять и признать, какъ такая отдѣльная, самодовлѣющая человѣческая личность можетъ быть принесена въ жертву будущей общей гармоніи. „Нельзя страдать неповинному за другого“. „Для чего, напримѣръ, дѣтямъ покупать страданіями гармонію?“ „Гармонія не стоитъ слезинки хотя бы одного замученнаго ребенка“. И, если у человѣка въ сердцѣ есть какая нибудь заполняющая его, личная любовь—любовь матери къ замученному ребенку, любовь къ человѣку вообще,—какъ у Великаго Инкви-

зителя, — (можно прибавить — любовь къ родинѣ), то она можетъ подвигнуть человѣка отречься отъ своего спасенія во Христа и идти защищать свою любовь, хотя бы путемъ насилія. Какъ полонъ мрачной красоты образъ „трезваго и твердаго схимника“, питавшагося въ пустынѣ акридами и корнями Великаго Инквизитора, который во имя своей личной любви и идеи, гордо пришелъ „исправлять подвигъ Христа“, завѣдомо обрекая самого себя на погибель.

Въ сердцѣ Ивана Федоровича образъ Христа и образъ Великаго Инквизитора борются между собою; они отрицаютъ одинъ другого; между ними компромиссъ невозможенъ. Иванъ Федоровичъ понимаетъ, что чуть только человѣкъ допуститъ насиліе не какъ грѣхъ, а какъ свое право, такъ тотчасъ-же онъ уже ушелъ отъ Христа къ Великому Инквизитору. Онъ не хуже Алеши понимаетъ, что если сказано: „Раздай все и иди за Мною, если хочешь быть совершенъ“, то нельзя вмѣсто „всего“ отдать два рубля, а вмѣсто „иди за мною“ — ходить лишь къ обѣднѣ. Почему-же Ивану Федоровичу такъ трудно отречься отъ Великаго Инквизитора и пойти за Христомъ? Потому ли, что его такъ замучили страданія „дѣтокъ“? Я думаю, что не только поэтому. Вспомнимъ Ивана Федоровича, буруеваемаго горячечными кошмарами, когда съ нимъ бесѣдуетъ чортъ. Всѣ самая большія, самая мучительныя мысли его принимаютъ въ это время какой то насмѣшливо-пошлый характеръ. И то, что до сихъ поръ таилось въ самой сокровенной глубинѣ его души, выплываетъ наверхъ въ отвратительно обнаженномъ видѣ.

Чортъ рассказываетъ Ивану Федоровичу, какъ онъ однажды, увлеченный славословіемъ Христу, хотѣлъ вмѣстѣ съ другими крикнуть „осанна“, но воздержался изъ соображенія, что „тотчасъ бы все угасло на свѣтѣ и

не стало бы случаться никакихъ происшествій“, т. е. говоря болѣе благороднымъ языкомъ. чѣмъ языкъ чорта, какъ только все личное сольется въ общей „осаннѣ“ Христу, такъ тотчасъ же прекратится всякое творчество. Въ самомъ дѣлѣ, если „желаніе испытать въ себѣ самомъ полноту, жизни приводитъ вмѣсто полноты жизни къ полному самоубійству, ибо, вмѣсто полноты опредѣленія существа своего, впадаетъ въ совершенное уединеніе“ (слова старца Зосимы), то и полное сліяніе отдѣльныхъ единицъ въ общей любви, отрицая все личное, всякую уединенную работу внѣ всемірнаго единенія, приводитъ къ концу творчества, а, слѣдовательно, къ концу жизни. А Ивану Федоровичу „дороги клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иной разъ не знаешь за что и любишь, дорогъ иной подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ быть, пересталъ и вѣрить, а все таки по старой памяти чтишь его сердцемъ“.

Однимъ словомъ, Иванъ Федоровичъ иступленно любить жизнь и ея вѣчно обновляющееся творчество, а потому ни Христось, ни Великій Инквизиторъ не могутъ взять верхъ въ его сердцѣ.

Я не буду останавливаться на типѣ Дмитрія Карамазова, у котораго въ сердцѣ заключено то-же непримиримое противорѣчіе, которое Иванъ осмыслилъ и формулировалъ и который, можетъ быть, именно потому такъ глубоко и съ такой широтой любитъ жизнь, и готовъ „все побороть, всѣ страданія, только, чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячи мукъ—я есмь, въ пыткѣ корчусь, но есмь! Въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть“. Мнѣ нужно было только словами Достоевскаго поставить вопросъ, чтобы посмотрѣть затѣмъ—какъ Достоевскій на него отвѣчаетъ.

Кромѣ типа мучениковъ-идеалистовъ, не умѣющихъ отвѣтить на собственные вопросы, у Достоевскаго есть два рода типовъ уже болѣе одностороннихъ, но не менѣе прекрасныхъ; это 1) типы принявшіе христіанскую истину и 2) типы уединенные, отошедшіе отъ Христа къ Великому Инквизитору. Исторія этихъ душъ помогаетъ намъ разобраться въ томъ, чему отдаетъ предпочтеніе самъ Достоевскій.

Христіане.

Христіанскіе типы Достоевскаго характеризуются прежде всего полнымъ отсутствіемъ духовнаго отъединенія. Всякой мыслью, всякимъ чувствомъ, всѣмъ своимъ духовнымъ богатствомъ эти люди готовы подѣлиться съ другими, потому, что ихъ сердце полно любовью. Не той любовью, которою мы любимъ чьюнибудь личную, только ему принадлежащую особенность, которой мы любимъ нашего друга, или нашу родину въ противоположность всѣмъ другимъ людямъ и народамъ, а той любовью, которая вездѣ ищетъ ликъ Христовъ и любитъ тѣхъ, у которыхъ его находитъ.

Лучшіе христіане у Достоевскаго умиленной душою любятъ весь міръ и все въ мірѣ и сострадаютъ всему страдающему, не сосредоточиваясь на отдѣльномъ страданіи. Есть изъ нихъ и иные; но тѣ не жизненны и погибаютъ скоро и неизбежно, какъ Соня Мармеладова и князь Мышкинъ. Эти не выносятъ чужого страданія, которое тутъ, на глазахъ почему либо поразило ихъ душу. Они идутъ за него на крестную муку и на томъ погибаютъ. Тѣ же христіане Достоевскаго, которыхъ, по его словамъ, такъ чтитъ нашъ народъ, ничѣмъ не привязаны къ міру, а проходятъ въ немъ

съ кроткой любовью, готовой всегда излиться на всякаго. Таковъ странникъ Макаръ Ивановичъ въ „Под-
 росткѣ“, таковъ схимникъ-старецъ Зосима. Трудно и
 представить себѣ такого христіанина иначе, какъ въ
 видѣ странника, или схимника. Они полны тихой,
 „благообразной“ красоты и въ нихъ идеаль жизни
 русскаго народа.

Изъ поученія старца Зосимы мы узнаемъ—въ
 чемъ заключается этотъ идеаль. Прежде всего, нужно
 сломать свою гордость; нужно понять, что каждый
 изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся на землѣ и
 „сіе сознание есть вѣнецъ пути иноческаго да и вся-
 каго на землѣ человѣка“. Затѣмъ не нужно ника-
 кого духовнаго уединенія, а для этого не нужно
 копить богатства и умножать потребности; это при-
 водить вмѣсто свободы къ рабству, а вмѣсто служенія
 братолюбію и человѣческому единенію—къ отчаянію
 и уединенію. Напротивъ, нужно освободиться отъ потреб-
 ностей; „Будешь любить всякую вещь и тайну Божію
 постигнешь въ вещахъ и полюбишь, наконецъ, весь
 міръ, уже всецѣлою, всемірною любовью“. Побѣждать
 нужно не силой, а смиренною любовью и въ этомъ
 самая великая сила. Старецъ Зосима любитъ и рус-
 скій народъ потому, что онъ [чувствуетъ въ немъ наи-
 большую способность постигнуть идею всемірнаго брат-
 ства и говоритъ, что русскій народъ—богоносецъ; а
 когда будетъ достигнуто всемірное, братское единеніе,
 то, вѣроятно, не нужно будетъ больше никакихъ наро-
 довъ.

Такъ же у старца Зосимы само собою падаетъ
 государство. Онъ говоритъ: „если можешь принять
 на себя преступленіе стоящаго передъ тобою и суди-
 маго сердцемъ твоимъ преступника, то немедленно
 прими и пострадай за него самъ, его же безъ укора

отпусти, и даже, если бы и самый законъ поставилъ тебя его судьей, то, сколь лишь возможно будетъ тебѣ, сотвори и тогда въ духъ семъ“. У Макара Ивановича тотъ же идеалъ: „поди, раздай свое богатство и стань всѣмъ слуга.“ Однимъ словомъ, у этихъ людей весь міръ настолько сливается въ одной общей всемірной любви, что для нихъ, въ идеалѣ ихъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ ни родины, ни какой иной идеи, кромѣ идеи христіанской любви и такимъ образомъ все личное и уединенное сливается въ общемъ нераздѣльномъ.

И народъ нашъ чтитъ сердцемъ христіанскую правду и хотя нарушаетъ ее иногда, но всегда знаетъ при этомъ что онъ согрѣшилъ противъ правды. Князь Мышкинъ говоритъ, что онъ замѣтилъ, что „самый закоренѣлый и нераскаянный русскій убійца все таки знаетъ, что онъ преступникъ, т. е. по совѣсти считаетъ, что онъ не хорошо поступилъ хоть „безо всякаго раскаянія.“

Уединенные.

Изъ уединившихся типовъ Достоевскаго есть два, пробующіе устроиться на землѣ совершенно безъ Бога. Одинъ это Кириловъ въ „Бѣсахъ“, другой—лакей Смердяковъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Оба пришли къ своему отрицанію не самостоятельно, а подъ вліяніемъ болѣе сильныхъ и даровитыхъ людей—Ставрогина и Ивана Карамазова, и у обоихъ даже ходъ разсужденій очень сходенъ. Кириловъ говоритъ: „Если Богъ есть, то вся воля Его, и изъ воли Его я не могу выйти. Если нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ заявить своеволие“. Лакей Смердяковъ разсуждаетъ въ томъ же духѣ:

„Коли Бога безконечнаго нѣтъ, то все позволено и нѣтъ никакой добродѣтели, да и не надобно ея тогда вовсе“. Обоихъ этихъ людей отрицаніе Бога приводитъ къ смерти и ясно, что для Достоевскаго немыслимо существованіе на землѣ безъ Бога. И вотъ оба атеиста приходятъ къ самоубійству не смотря на то, что трудно найти двухъ людей болѣе противоположныхъ другъ другу чѣмъ Кириловъ и Смердяковъ. Кириловъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ внутренняя жизнь, построенная въ узкихъ рамкахъ науки и разума—совершенно немыслима. Онъ слишкомъ даровитъ и чутокъ для того, чтобы его могли удовлетворить логика и ариеметика. Онъ предчувствуетъ, что жизнь построена не на нихъ однѣхъ; что есть въ ней нѣчто сверхразумное и безконечное и, отвергнувъ Бога, Кириловъ создаетъ фантастическую философскую систему, которая должна замѣнить ему Бога, охвативъ всю вселенную въ общемъ синтезѣ. Ходъ его разсужденій таковъ: такъ какъ Бога нѣтъ, то моя воля замѣняетъ Его волю, и я становлюсь вмѣсто Бога. Но какой же я Богъ, если я боюсь смерти? Только тотъ будетъ Богъ, кто побѣдитъ боль и страхъ, и всякій, кто хочетъ главной свободы, долженъ смѣть убить себя. И когда человѣку будетъ все равно жить или не жить, тогда будетъ новый человѣкъ счастливый и гордый. Тогда человѣкъ долженъ перемѣниться и физически и исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ гориллы до уничтоженія Бога и отъ уничтоженія Бога, до перемѣны земли и человѣка физически. И Кирилову до такой степени необходимо безкорыстно вѣровать, если не въ Бога, то хоть въ самого себя, какъ въ Бога, что онъ убиваетъ себя единственно только потому, что его оскорбляетъ присущій ему страхъ смерти.

Совершенно иной ходъ идей у Смердякова. У этого лакея съ дѣтства было тяготѣніе къ исключительнымъ началамъ науки и разума и отвращеніе ко всему сверхразумному; ему Богъ только мѣшалъ. При изученіи священной исторіи, его прежде всего остального смущаетъ логическая несообразность, что „свѣтъ создалъ Господь Богъ въ первый день, а солнце, луну и звѣзды на четвертый“. Про стихи онъ говоритъ, что это „вздоръ-съ“, а „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, которые даетъ ему почитать Федоръ Павловичъ, ему не нравятся потому, что „про неправду все написано“. Исключительное тяготѣніе къ началамъ „науки и разума“ приводитъ Смердякова прежде всего къ отрицанію Россіи, построенной на совершенно иныхъ началахъ. Если Кириловъ совершенно не думаетъ о Россіи потому, что занять разрѣшеніемъ вопроса о Богѣ—перваго и главнаго въ Россіи вопроса, то Смердяковъ просто говоритъ: „я всю Россію ненавижу, Марія Кондратьевна“. Онъ говорилъ еще: „хорошо, кабы насъ тогда покорили эти самые французы: умная нація покорила бы весьма глупую и присоединила къ себѣ. Совсѣмъ даже были бы другіе порядки-съ“. И у Смердякова глубокое презрѣніе къ русскому мужику, который не живетъ на началахъ науки и разума: „можетъ ли русскій мужикъ противъ образованнаго человѣка чувство имѣть?“ „Русскій народъ надо пороть-съ“. Такъ же ненавидитъ Смердяковъ всякое бесполезное съ точки зрѣнія разума геройство. Узнавъ о подвигѣ русскаго солдата, позволившаго туркамъ содрать съ себя кожу, но не отрекшагося ни отъ вѣры, ни отъ родины, Смердяковъ находитъ, что это глупо и не было бы грѣха, если бы солдатъ, подъ страхомъ смерти, отрекся бы отъ Христа и сохранилъ свою жизнь для добрыхъ дѣлъ. Онъ не стыдится сознаться передъ

„дамой“ Маріей Кондратьевной, что онъ могъ бы убѣжать отъ дуэли потому, что это страшно; и говорить, что онъ „не только не желаетъ быть военнымъ гусарикомъ, но желаетъ напротивъ — уничтоженія всѣхъ солдатъ-съ“. Иванъ Федоровичъ Карамазовъ, подавъ Смердякову мысль, что „Бога нѣтъ“ и что поэтому „все позволено“, только пошелъ навстрѣчу его инстинктамъ и освободилъ его отъ послѣдняго сомнѣнія.

И если Кириловъ на предложеніе убить когонибудь другого вмѣсто себя отвѣчаетъ социалисту (т.е. тоже живущему на началахъ науки и разума) Верховенскому: „убить другого будетъ самымъ низкимъ пунктомъ моего своеволія и въ этомъ весь ты. Я не ты: я хочу высшій пунктъ и убью себя“, то для Смердякова является гораздо болѣе разумнымъ убить другого, а не себя, и онъ убиваетъ Федора Павловича, чтобы съ его деньгами начать новую жизнь. Однако, нарушенный законъ Бога отомстилъ даже Смердякову и даже Смердяковъ затосковалъ въ рамкахъ своей разумности до невозможности продолжать жить.

Русскіе либералы не кончаютъ ни убійствомъ, ни самоубійствомъ, но ихъ образъ мыслей удивительно сходенъ съ образомъ мыслей лакея Смердякова. Если его перевести на интеллигентный языкъ, то выйдетъ слѣдующее: „Хорошо только то, что разумно и полезно. Такія художественныя произведенія, какъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ принадлежатъ къ области „чистаго“, т.е. совершенно бесполезнаго искусства. Такія явленія, какъ смерть русскаго солдата за вѣру и царя, доказываютъ только, что русскій мужикъ не доросъ до образованнаго человѣка и не умѣетъ разсудить, что разумнѣе употребить свою жизнь, на чтонибудь болѣе полезное. Военное сословіе есть самое бесполезное сословіе, особенно для Россіи, въ которой всѣ порядки

такъ плохи, что для нея же было бы лучше, если бы она перестала существовать, какъ нація.“ Въдь это типическій либеральный образъ мыслей и подъ нимъ, навѣрное, подписались бы многіе изъ нашихъ знакомыхъ, конечно, если бы забыли, что такъ думаетъ и лакей Смердяковъ. Этихъ людей всегда и вездѣ жестоко высмѣиваетъ Достоевскій, и по ихъ адресу Россія могла бы сказать то же, что съ тоской говоритъ Иванъ Федоровичъ Карамазовъ своему чорту: “Нѣтъ, я никогда не былъ такимъ лакеемъ, почему же душа моя могла породить такого лакея, какъ ты?„

Но теперъ я перехожу къ тѣмъ изъ уединившихся типовъ Достоевскаго, которые не отрицаютъ Бога. Отличительный признакъ ихъ—это глубокая, болѣзненная стыдливость, желаніе отъ всѣхъ спрятать свой внутренній міръ и именно потому, что онъ для нихъ святъ и драгоцѣненъ. Они не пойдутъ дѣлиться со всѣми своимъ богатствомъ и у нихъ вырабатывается даже какое то отвращеніе къ людямъ. Раскольниковъ „при первомъ обращенномъ къ нему словѣ ощущаетъ свое обычное непріятное и раздражительное чувство отвращенія ко всякому чужому лицу, касавшемуся или хотѣвшему только прикоснуться къ его личности“. А „Подростокъ“ Аркадій Долгоруковъ говоритъ о себѣ: —„я сумраченъ, я непрерывно зарываюсь. Я часто желаю выйти изъ общества“. И это потому что въ уединеніи, подъ сумрачной оболочкой происходитъ напряженная внутренняя работа. „Я мечталъ—разсказываетъ Аркадій—изо всѣхъ силъ и до того, что мнѣ некогда было разговаривать. Самая яростная мечтательность сопровождала меня вплоть до открытія „идеи“. И могла ли бы внутренняя работа, залогъ творчества и своеобразнаго развитія, происходить у всѣхъ на виду, въ открытой и ясной душѣ?—разумѣется нѣтъ.

Эти души преданы личнымъ страстнымъ привязанностямъ, (вспомнимъ, какъ Аркадій любилъ своего отца — Версилова) исключительнымъ, иногда фантастическимъ, но всегда своеобразнымъ идеямъ. Но онъ не выносятъ дневного свѣта и работаютъ какъ кроты въ сумракѣ и тишинѣ. Вся цѣль идеи Аркадія Долгорукова это „уединеніе и могущество“. Мнѣ нужно лишь то,— говоритъ онъ,—чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества; это уединенное и спокойное сознаніе силы“. „Тайное сознаніе могущества нестерпимо пріятнѣе явнаго господства“, Съ этой цѣлью Аркадій намѣренъ стать такимъ же богатымъ, какъ Ротшильдъ и въ этомъ, и въ томъ какъ этого достигъ посредствомъ лишеній, мужества, упорства, непрерывности —и заключается его идея. Но нѣтъ человѣка безкорыстнѣе Аркадія; ему „нужна его порочная воля вся, единственно, чтобы доказать самому себѣ, что онъ въ силахъ отъ нея отказаться“—и онъ уже заранѣе предвидитъ моментъ, когда, „безбрежно пожелавъ большаго“ онъ „отдастъ всѣ милліоны и вновь смѣшается съ ничтожествомъ“. Аркадій Долгорукій не предвидитъ другого; онъ не предвидитъ, что наступитъ моментъ, когда испробовавъ свою силу и развивъ ее до гигантскихъ размѣровъ ему, неспособному уже болѣе жить мелочью и ежедневностью, захочется примѣнить ее и отдать на что нибудь такое, что искупало бы его долгій искусъ. Тутъ для Аркадія три дороги. Или онъ, какъ Ставрогинъ, будетъ вѣчно тревожить чужіе умы. самъ же, не въ силахъ ничему отдаться душою, уйдетъ изъ жизни съ адомъ въ груди; или онъ отдастъ всю свою могучую силу на служеніе Христу и исполнитъ завѣтъ Макара Ивановича, который говоритъ ему: „ты, милый, церкви святой ревнуй, и аще позоветъ время—и умри за нее; да подожди. не пугайся, не

сейчасъ“. Или, наконецъ, онъ ударится въ еще большее уединеніе, какъ Раскольниковъ.

Раскольниковъ, такъ же какъ и „подростокъ“ принадлежитъ къ числу „твердыхъ и скромныхъ схимниковъ“ (таковы большею частью уединившіеся ради идеи). Порфирій Петровичъ говоритъ ему: „я васъ почитаю за одного изъ такихъ, которымъ хотъ кишки вырѣзай, а онъ будетъ стоять, да съ улыбкой смотрѣть на мучителей.—если только вѣру иль Бога найдетъ“. И свое преступленіе Раскольниковъ совершилъ „ради Бога“. Вѣдь говорилъ же онъ Порфирію уже послѣ преступленія: „въ Новый Іерусалимъ вѣрую; въ Бога вѣрую; въ воскресеніе Лазаря вѣрую—буквально“. Но видно христіанская истина, — истина Сони и старца Зосимы—ему чужда. Его ученіе апофеозъ личнаго своеволя, довѣрія къ себѣ, страстной любви къ своему, къ своей идеѣ, къ своимъ, взлелѣяннымъ темной ночью мечтамъ, которыя должны остаться жить на землѣ послѣ него—и не въ этомъ ли творческое личное начало?

Послѣ Раскольникова Заратустра Ницше не сказалъ ничего новаго. Онъ лишь развилъ и углубилъ его ученіе. Вотъ это ученіе: „Огромная масса людей, матеріаль, для того только существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтѣ, ну хотъ изъ тысячи одного, хотъ сколько нибудь самостоятельнаго человѣка“. Люди матеріаль—обязаны быть послушными и для нихъ существуетъ обычная нравственность; люди, имѣющіе даръ— по природѣ преступники. Для послѣднихъ тоже существуетъ обычная нравственность, но, бывають моменты когда, если ихъ идея того потребуеть, они могутъ по совѣсти (ни Бога, ни совѣсти Раскольниковъ не отвергаетъ) разрѣшить себѣ

преступленіе и даже кровь. Если масса казнить ихъ за это и только послѣ смерти ставитъ на пьедесталь, то она поступаетъ правильно и исполняетъ этимъ свое консервативное предназначеніе. Это не можетъ помѣшать генію (Наполеону на примѣръ) пронести въ міръ, хотя бы и черезъ кровь, свою новую творческую идею и, если бы не было этихъ преступниковъ, то умерло бы творческое начало въ мірѣ. Такимъ образомъ Раскольниковъ не только типъ уединившійся самъ отъ общенароднаго идеала, но еще создаетъ и цѣлую философію уединенія.

Раскольниковъ, убивъ старушенку—погибаетъ; и чувствуетъ, что погибаетъ потому, что „совѣсть“ не разрѣшила ему эту кровь, что онъ пролилъ ее противъ „совѣсти“, не смотря на ея запрещенія. Однако, общая идея возможности пролить кровь по совѣсти остается для него неоспоримой и уже идя на каторгу, онъ спрашиваетъ себя: „какимъ это процессомъ можетъ такъ произойти, что онъ, наконецъ, передъ всѣми ими, уже безъ разсужденій смирится, убѣжденіемъ смирится.“ И Достоевскій говоритъ, что Раскольниковъ смирился. Но Достоевскій не показываетъ какимъ процессомъ это произошло. Раскольниковъ-преступникъ—стоитъ предъ нами воочію, но Раскольниковъ христіанинъ—смутень и непонятень. Послѣдняя часть „Преступленія и Наказанія“ настолько явно слаба по сравненію со всѣмъ геніальнымъ произведеніемъ, какъ будто бы Достоевскій не смогъ, или не захотѣлъ отвѣтить на сомнѣнія и вопросы своего Раскольникова.

Но осудилъ ли по крайней мѣрѣ Достоевскій окончательно этотъ личный бунтъ противъ общенародной правды и проклялъ ли этихъ одинокихъ пловцевъ отъ лица Россіи такъ же, какъ

проклялъ лакеевъ Смердяковыхъ? И не призналъ ли онъ и ихъ родными дѣтьми многострадальной Россіи также, какъ православныхъ странниковъ съ ихъ обще-народной правдой? Думаю что призналъ. Достоевскій знаетъ, что такіе „уединенные“ выходятъ и изъ народа. По поводу Некрасовскаго „Власа“, у котораго „сила вся души великая въ дѣло Божіе ушла“, который роздалъ свое имѣніе, „самъ остался босъ и голъ и собирать на построеніе храма Божьяго пошелъ“, словомъ по поводу странника христіанина, искупающаго прежній великій грѣхъ, Достоевскій вспоминаетъ какого рода грѣхи случаются въ нашей деревнѣ. Собрались нѣсколько парней и стали спорить: „кто кого дерзностнѣе сдѣлаетъ“, и вотъ одинъ заставляетъ другого, похвалившася, что онъ сдѣлаетъ, сохранить святое причастіе и выстрѣлить въ него изъ ружья, т. е. оскорбить свою собственную, съ дѣтства драгоценную „святыню“. Это все-тоже непреодолимое желаніе „уединившихся“ повѣрять и испытать свою вѣру, свою святыню, хотя бы и погибнуть послѣ этого.

Признавая, что въ православіи заключается все, чего ищетъ нашъ народъ и что въ немъ все его счастье, Достоевскій, однако, такимъ образомъ объясняетъ отпаденіе нѣкоторыхъ русскихъ крестьянъ въ штунду: „Главное—правды захотѣлось, правды во что бы то ни стало, даже жертвуя всѣмъ, что было до тѣхъ поръ ему свято“. И это уединенное исканіе правды, хотя бы оно отрывало отъ обще-народной святыни. Достоевскій признаетъ явленіемъ русскимъ и дай Богъ, чтобы оно у насъ не изсякло, какъ и обще-народная правда. Нѣтъ, не отвергаетъ нашъ народъ своихъ уединившихся искателей правды и мы имѣемъ у Достоевскаго благословленіе имъ отъ лица двухъ лучшихъ представителей народной правды. Макарь Ива-

новичъ говорить о такихъ уединенныхъ искателяхъ: „въ ёмъ ума гущина, а сердце неспокойное. Таковыхъ людей очень много теперь пошло изъ городскаго и изъ ученаго званія. И вотъ что еще скажу, самъ казнить себя челоуѣкъ. А ты ихъ обходи и не досаждай, а передъ ночнымъ сномъ поминай ихъ на молитвѣ, ибо таковыя Бога ищутъ“. А старецъ Зосима говорить Ивану Федоровичу Карамазову: „благодарите Творца, что далъ вамъ сердце высшее, способное такою мукой мучиться горняя мудрствовать и горнихъ искати, наше бо жительство на небесѣхъ есть“.

Нелѣпость.

И такъ передъ нами въ лицахъ героевъ Достоевскаго встають двѣ правды: одна—обще-народная, христіанская, православная правда, другая-личная, правда уединеннаго исканія, уединенной любви. Первая, призывая къ общему братству и слиянію во Христвѣ, не допускаетъ никакого насилія надъ челоуѣкомъ и ея всеобъемлющая любовь радостно открываетъ объятія всякому Божьему созданію, не таясь, не прячась, не зная никакой исключительности въ своихъ привязанностяхъ. Вторая, —рожденная темной ночью въ горячихъ мечтахъ, въ тайныхъ размышленіяхъ, создаетъ для души кумиры, которые тѣмъ дороже, что ихъ никто не знаетъ, что они свои, что они защищены отъ назойливыхъ взглядовъ и нескромнаго любопытства. И если этотъ кумиръ придетъ въ столкновеніе съ окружающей жизнью, то родившее его сердце отдаетъ за него всю кровь и свою и чужую, и свое спасеніе, и свое счастье, и обще-народную правду.

Кумирь требуетъ насилія такъ же, какъ христіанская правда его отвергаетъ.

Эти двѣ правды логически непримиримы. Которой же отдаетъ предпочтеніе Достоевскій? Есть у него одинъ герой, котораго, какъ кажется, онъ любитъ больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ: это—Алеша Карамазовъ. Онъ пошелъ за Христомъ, а не за Инквизиторомъ, отдался Христу всей душой безъ остатка, и этотъ юноша въ рясѣ является, кажется, для Достоевскаго эмблемою всей Россіи. Всѣмъ знакомъ этотъ очаровательный чисто христіанскій образъ и я не буду на немъ долго останавливаться. Я хочу только припомнить одинъ эпизодъ изъ разговора Алеши съ его братомъ Иваномъ. Иванъ рассказываетъ Алешѣ о страданіяхъ дѣтокъ. Онъ уже провелъ передъ нимъ нѣсколько потрясающихъ и возмутительныхъ сценъ и довелъ нервы Алеши до напряженнаго состоянія. И самъ все болѣе взвинчиваясь по мѣрѣ разказа, Иванъ заканчиваетъ изображеніемъ того, какъ баринъ затравилъ собаками маленькаго крѣпостнаго мальчишку на глазахъ его матери. Задыхаясь отъ волненія Иванъ спрашиваетъ въ концѣ разказа: „Ну... что-же его? Разстрѣлять? Для удовлетворенія нравственнаго чувства разстрѣлять? Говори, Алеша!

— Разстрѣлять! тихо проговорилъ Алеша съ блѣдною перекосившеюся какой то улыбкой, поднявъ взоръ на брата.

— Bravo!—завопилъ Иванъ въ какомъ то восторгѣ. — ужъ коли ты сказалъ, значитъ. . . . Ай да схимникъ! Такъ вотъ какой у тебя бѣсенокъ въ сердечкѣ сидитъ. Алешка Карамазовъ!

— Я сказалъ нелѣпость, но. . . .

— То-то и есть, что но. . . . кричалъ Иванъ. — Знай, послушникъ, что нелѣпости слишкомъ нужны на землѣ. На нелѣпостяхъ міръ стоитъ и безъ нихъ,

можетъ быть, въ немъ совсѣмъ ничего не произошло.“

Мнѣ кажется, что въ типѣ Алеши и въ послѣднихъ словахъ Ивана выражено все то, на чемъ основано міровоззрѣніе Достоевскаго. Нужно служить христіанской правдѣ, но . . . иногда нужна и другая . . . Онѣ непримиримы между собой логически, въ такомъ случаѣ . . . нужно допустить нелѣпость . . . На этой нелѣпости міръ стоитъ и, можетъ быть, безъ нея и міра бы не было, такъ какъ каждая правда въ отдѣльности — приводитъ къ смерти.

На признаніи этой „нелѣпости“, какъ мнѣ кажется, построено все міровоззрѣніе Достоевскаго.

Дневникъ писателя.

Съ этой точки зрѣнія, понятны взгляды и симпатіи Достоевскаго, высказанные имъ въ „Дневникѣ писателя“. Если для отдѣльнаго русскаго человѣка возможно „обособленіе“, если оно плодотворно, такъ какъ вноситъ въ русскую жизнь личное творчество, если оно неизбежно, какъ жадное исканіе правды, то народъ, въ его цѣломъ, долженъ быть вѣренъ своей обще-народной правдѣ. Она дѣлаетъ его сильнымъ, какъ обособленную народную личность, она сохраняетъ въ немъ твердый устой въ то время, когда уединенное исканіе привело бы къ распаденію. Такой обще-народной правдой съ точки зрѣнія Достоевскаго можетъ быть только православіе. Въ то время какъ католичество провозгласило, что церковь Христа не можетъ сохраниться на землѣ безъ земного владычества т. е. прельстилась третьимъ дьяволовымъ искушеніемъ, а протестанство выросло исключительно на почвѣ отри-

цанія католичества; въ то время, какъ социализмъ предлагаетъ устроиться на землѣ на началахъ науки и разума, т. е. изъ человѣческаго общества съ его мечтой о безсмертіи и безконечности создать муравейникъ узенькаго земного благополучія, въ это время только одна восточная православная церковь сохранила Христа и его ученіе во всей чистотѣ.

При этомъ Достоевскій нисколько не входитъ въ обсужденіе православной догмы и ея преимуществъ. Народъ, хранитель православія, даже и не знакомъ съ этой догмой. Достоевскій дорожитъ лишь главной идеей „всесвѣтлаго единеніе во имя Христово“, непрерывнаго покаянія и самоусовершенствованія, признанія духа человѣческаго свободнымъ и не зависящимъ отъ „среды“, а потому отвѣтственнымъ за свои дѣйствія и преступленія. Такіе народные типы, какъ Фома Даниловъ, замученный турками за исповѣданіе своей вѣры или няня Алёна Фроловна, отдающая свои послѣднія сбереженія разорившимся помѣщикамъ—являются, для Достоевскаго чистѣйшими хранителями лика Христа, какъ его понимаетъ нашъ православный народъ. Всѣ теченія въ православіи, историческіе идеалы Сергіевъ, Θεодосіевъ Печерскихъ, Тихоновъ Задонскихъ, старчество съ его братскими исповѣдями, подвиги схимничества и странничества, все объединяетъ и принимаетъ Достоевскій въ общемъ понятіи „православія“. Онъ осуждаетъ лишь тѣхъ сектантовъ, которые, не признавая православія, этимъ самымъ нарушаютъ общее братство всѣхъ. Но, какъ вѣрующій христіанинъ, Достоевскій считаетъ православіе спасительнымъ не только для Россіи и русскихъ; оно должно обновить весь міръ и Россія, сохранившая у себя тотъ ликъ Христовъ, который другіе народы утеряли, Россія понесетъ народамъ Запада обновленіе.

Эту вѣру Достоевскій основываетъ и на своемъ пониманіи русскихъ національныхъ особенностей. „Всѣ европейцы разъединяются между собою почвенными интересами, исключительны другъ ко другу до непримиримости, и все болѣе и болѣе расходятся по разнымъ путямъ, уклоняясь отъ общей дороги“. Идея общечеловѣчности все болѣе и болѣе стирается между ними.“ И только въ русскомъ характерѣ „выступаетъ способность высоко синтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности“. Иванъ Федоровичъ Карамазовъ говорить у Достоевскаго: „Я хочу въ Европу съѣздить, Алеша, о вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вотъ что! Дорогіе тамъ лежать покойники, каждый камень надъ ними гласить о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, свою истину, свою борьбу и въ свою науку, что я, знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними.“ А въ „Дневникѣ писателя“ Достоевскій говорить: „я утверждаю, что всякій европейскій поэтъ, мыслитель, филантропъ, кромѣ земли своей, изо всего міра, наиболѣе и наироднѣе бываетъ понять и принять всегда въ Россіи. Шекспиръ, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ—роднѣе и понятнѣе русскимъ, чѣмъ. напримѣръ нѣмцамъ“, а Шиллеръ гораздо національнѣе и гораздо роднѣе варварамъ русскимъ, чѣмъ во Франціи, гдѣ его знаютъ лишь профессора словесности.“ Нашъ первый народный поэтъ Пушкинъ перевоплощался въ своихъ произведеніяхъ въ гени всѣхъ чужихъ народовъ, а „всякій русскій можетъ говорить на всѣхъ языкахъ и изучать духъ каждаго чуждаго языка до тонкости, какъ бы свой собственный русскій языкъ,—чего нѣтъ въ европейскихъ народахъ въ смыслѣ всеобщей народной способности“. И дѣ-

ло Петра Великаго „кончилось тѣмъ, что мы приняли въ себя обще-человѣческое начало и даже сознали, что мы-то можемъ и назначены судьбою для обще-человѣческаго мірового соединенія“.

На упреки въ національномъ самомнѣніи, Достоевскій говоритъ: „Что въ томъ, что не жившій еще юноша мечтаетъ про себя современемъ стать героемъ? Повѣрьте, что такія, пожалуй, гордые и заносчивыя мечты могутъ быть гораздо живительнѣе и полезнѣе этому юношѣ, чѣмъ иное благоразуміе того отрока, который уже въ шестнадцать лѣтъ вѣритъ премудрому правилу, что „счастье лучше богатства“; и „древній легендарный рыцарь вѣрилъ, что передъ нимъ падутъ всѣ препятствія, всѣ призраки и чудовища и что онъ побѣдитъ все и всѣхъ, и всего достигнетъ, если только вѣрно сохранить свой обѣтъ „справедливости“, цѣломудрія и нищеты“.

Такова по мнѣнію Достоевскаго, и вѣра славянофиловъ въ общечеловѣчность русской національности. Но для того, чтобы исполнить общечеловѣческое предназначеніе Россіи, нужно прежде всего быть русскими и національными. „Мы должны преклониться передъ народомъ и ждать отъ него всего, и мысли, и образа; преклониться предъ правдой народной и признать ее за правду, даже въ томъ ужасномъ случаѣ, если она вышла бы отчасти изъ Четьи-Минеи“:—это говоритъ Достоевскій нашей интеллигенціи, которая давно уже отвергла народную правду, а потому осталась безъ почвы подъ ногами, внѣ времени и пространства. Но и интеллигенція вернется къ народу не съ пустыми руками; „она несетъ ему въ подарокъ науку,—не цивилизацію европейскую несетъ она всѣмъ русскимъ, а науку, добытую изъ цивилизаціи, представляетъ ее народу, какъ результатъ своего длиннаго и долгаго

путешествія отъ родной почвы въ нѣмецкія земли, какъ оправданіе свое передъ нимъ, и, передавая ему, будетъ ждать, что сдѣлаетъ онъ самъ изъ этой науки". Только въ соприкосновеніи съ народомъ и съ его правдой наши писатели набирались творческой силы. „Пушкинъ любилъ народъ не за одни только страданія его. За страданія сожалѣютъ, а сожалѣніе такъ часто идетъ рядомъ съ презрѣніемъ. Пушкинъ любилъ все, что любилъ этотъ народъ, чтить все, что тотъ чтить. Онъ любилъ природу русскую до страсти, до умиленія, любилъ деревню русскую. Это не баринъ милостивый и гуманный, жалѣющій мужика за его горькую участь, это былъ человѣкъ самъ перевоплощавшійся сердцемъ своимъ въ простолюдина, въ суть его, почти въ образъ его". „Въ этихъ историческихъ и архаическихъ мотивахъ звучитъ такая любовь и такая оцѣнка народа, которая принадлежитъ народу вѣковѣчно, всегда и теперь, и въ будущемъ, а не въ одномъ только какомъ нибудь давно прошедшемъ историческомъ народѣ". А вотъ поэтъ совершенно иного типа, иного размѣра, иного міровоззрѣнія—Некрасовъ, и онъ когда уставалъ душою среди фальши и лжи, „онъ шель и бился о плиты бѣднаго сельскаго родного храма и получалъ исцѣленіе. Въ любви къ народу онъ находилъ нѣчто незыблемое, какой то незыблемый и святой исходъ всему, что его мучило. А если такъ, то, стало быть и не находилъ ничего святѣе, незыблемѣе, истиннѣе, передъ чѣмъ преклониться. А коли такъ, то, стало быть, и онъ преклонялся передъ правдой народною".

Съ тѣхъ поръ, какъ пало крѣпостное право, сближеніе народа съ его верхнимъ слоемъ, съ его интеллигенціей, стало лишь вопросомъ времени. Пали преграды: старое дворянство, вздвигшее въ Европу за просвѣ-

щеніемъ, выносившее въ своей душѣ общечеловѣческій идеаль и создавшее въ Россіи прекрасный типъ хранителя старины и ея традицій — перестало быть кастой. Версиловъ въ „Подросткѣ“, яркій типъ нашего дворянина 40-хъ годовъ, изъ тѣхъ, которыхъ Достоевскій опредѣляетъ словами: „gentilhomme russe et citoyen du monde“ уже пересталъ даже быть хранителемъ старины и ударился въ самое страшное обособленіе, а мало ли было такихъ? Версиловъ говоритъ о дворянствѣ: „ворота въ сословіе отворены у насъ ужъ слишкомъ издавна; теперь же пришло время отворить ихъ окончательно“.

Пусть всякій подвигъ чести, науки и доблести даетъ у насъ право всякому примкнуть къ верхнему разряду людей. Такимъ образомъ сословіе само собою обращается лишь въ собраніе лучшихъ людей, въ смыслѣ буквальному и истинному, а не въ прежнемъ смыслѣ привилегированной касты“. Тутъ опять звучитъ все та-же старая мысль Достоевскаго о томъ, что все въ Россіи должно опираться на одну только нравственную идею, безъ всякихъ внѣшнихъ перегородокъ и жить только ею.

Ясно, что при такомъ взглядѣ, Достоевскій не могъ желать для Россіи иного образа правленія кромѣ неограниченнаго Самодержавія, и нужно совершенно не понять всего смысла проповѣди Достоевскаго, чтобы сомнѣваться, на чьей сторонѣ былъ-бы онъ теперь, если бы былъ живъ? Онъ былъ бы на нашей сторонѣ хотя, можетъ быть, и не примкнулъ-бы ни къ одной изъ нашихъ партій. Онъ слишкомъ глубоко понималъ тѣ принципы, въ которыхъ лежитъ залогъ будущаго плодотворнаго развитія Россіи. По поводу введеннаго въ то время суда присяжныхъ, въ которомъ обвиненіе и защита, каждая вдаваясь въ крайность, взаимно уравниваютъ другъ друга, Достоевскій протестуетъ про-

тивъ европейскаго принципа: „чѣмъ механичнѣе, тѣмъ лучше“. Онъ говоритъ: „этотъ механическій способъ вытаскивать наружу правду, можетъ быть, у насъ и замѣнится....просто правдой“. Это, конечно, мечта отдаленнаго будущаго, но Достоевскій никогда не могъ пожелать, чтобы механическій способъ разрѣшенія вопросовъ въ видѣ конституціонныхъ партій, уравновѣшивающихъ крайности одна другой, проникъ въ самую глубь народа. Пусть изолгавшіеся чиновники и адвокаты съ „нанятой совѣстью“ по народному выраженію, грѣшатъ противъ правды, но пусть весь народъ сохранить свою душу нетронутой отъ интригъ, мелочныхъ подкоповъ и партійной борьбы. Вотъ собственные слова Достоевскаго по этому поводу: „Если хотите, у насъ въ Россіи и нѣтъ никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей насъ, какъ эта органическая, живая связь народа съ Царемъ своимъ, и изъ нея у насъ все и исходитъ. Кто же бы и помыслить могъ, напримѣръ, хотя бы о той-же крестьянской реформѣ, если-бы заранѣе не зналъ и не вѣрилъ, что Царь народу, отецъ и что именно вѣра народа въ Царя, какъ въ отца своего, все спасетъ, все убережетъ, удалитъ бѣду? Увы, плохъ тотъ экономистъ реформаторъ, который обходитъ настоящія и дѣйствительно живыя силы народныя изъ какого нибудь предубѣжденія и чуждаго вѣрованія“.

Далѣе Достоевскій говоритъ о Самодержавіи: „это не временное только дѣло у насъ, не преходящее, не признакъ лишь дѣтства народнаго, напримѣръ, его роста и проч., какъ заключилъ-бы иной умникъ, но вѣковое, всегдашнее и никогда, по крайней мѣрѣ еще долго, очень долго оно не измѣнится“. О томъ же, на какихъ основаніяхъ произвести реформу, дѣйствительно благотворную и національную, Достоевскій говоритъ слѣдующее: „позо-

вите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, что имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ, въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду.“ Надо только соблюсти, чтобы высказался пока именно только мужикъ, одинъ только заправскій мужикъ“ мы же, „интеллигенція народная“, пусть станемъ пока смиренно въ сторонкѣ и сперва только поглядимъ на него, какъ онъ будетъ говорить и послушаемъ“. „Пусть тутъ же поучимся и смиренію народному, и дѣловитости его, и реальности ума его, серьезности этого ума“. Вѣдь это же наша вѣра, наши надежды. И когда возлѣ нашего Царя вмѣсто господъ Витте будутъ стоять сѣрые зипуны намъ нечего будетъ страшиться за будущее нашей Россіи. Эту Россію Достоевскій любитъ не столько за ея идеалы, онъ любитъ ее земною исключительною любовью, съ ея природой, съ ея радостями и печалями, со всѣми ея особенностями и недостатками. И, какъ всякая горячая исключительная любовь,—кромѣ христіанской любви къ людямъ,—эта любовь приводитъ Достоевскаго къ признанію насилія. Я не въ осужденіе Достоевскому говорю это; это все та же „нелѣпость“, на которой и міръ стоитъ и безъ которой и міра бы не было

И статья Достоевскаго подъ заглавіемъ „спасеть ли пролитая кровь“—это все тотъ же шепотъ Алеши Карамазова: „разстрѣлять“!.. Статья „Спасеть ли пролитая кровь“ написана въ защиту войны за освобожденіе славянскихъ народностей отъ турецкаго ига, но почти тѣ-же мысли въ защиту самой идеи войны пападаютъ еще раньше. Достоевскій доказываетъ, что война, выводя народъ изъ состоянія застоя, покоя и интересовъ корысти и накопленія, возбуждаетъ лучшія, великодушныя чувства, подвига, жертвы, равенства

проливающихъ кровь за общее дѣло. Народъ любитъ ее и сохраняетъ о ней пѣсни и легенды; наука и искусство развиваются въ первый періодъ послѣ удачной войны. Однимъ словомъ, начало творческое въ жизни, это начало уединенной любви личной-ли. или народной.

Вотъ схематическое изложеніе взглядовъ Достоевскаго. Ихъ можно бы разсмотрѣть еще со многихъ другихъ точекъ зрѣнія, но здѣсь важно было только напомнить, какъ въ живой душѣ Достоевскаго идеаль общечеловѣческой сочетался и сливался съ личной уединенной любовью, и не это ли противорѣчіе, которое нельзя примирить логически, дѣлало эту душу такой творчески богатой? Въ его взглядѣ на Россію сочетались тоже эти двѣ точки зрѣнія; онъ любилъ ее, какъ обособленную народную личность и онъ любилъ ее, какъ носительницу общечеловѣческаго идеала. Въ Европѣ не понимаютъ Россіи, но Россія способна постичь гени всѣхъ другихъ народовъ Европы, и Достоевскій выводитъ изъ этого, что Россія понесетъ народамъ Запада свое объединяющее начало. А не будетъ ли наоборотъ? Если народы Запада не могутъ понять Россіи то они и не примутъ ея идеала; но, принявъ въ себя ихъ старую, драгоцѣнную культуру, ихъ народные идеалы, которые такъ понятны и дороги русскимъ, не пойдетъ ли сама Россія впереди челоуѣчества, указывая ему путь? Вѣдь понятны же народамъ Запада культуры древняго міра; понятны потому, что вошли въ ихъ плоть и кровь, а Россія еще страна будущаго и только потому непонятна Западу.

И пусть „нежившій еще юноша“ будетъ какъ можно болѣе дерзокъ въ своихъ мечтахъ и, если онъ къ тому же сохранить свой обѣтъ „справедливости, цѣломудрія и нищеты“, то онъ впослѣдствіи скажетъ

міру такое новое слово, которое можетъ быть, не возродитъ умершихъ, но живыхъ поведетъ къ новнй прекрасной цѣли. А тѣхъ, кто, какъ Достоевскій положилъ всю свою жизнь, весь свой геній на созданіе этого будущаго, мы не забудемъ. Пусть на его могилѣ въ этомъ году было мало народу—это потому, что наша интеллигенція все еще не вернулась къ народнымъ началамъ, но тѣмъ святѣе образъ родного, страдавшаго и любившаго и по генію не уступающему ни одному генію на землѣ писателя сохраняется въ тѣхъ, для которыхъ онъ былъ учителемъ.